

Иван злосчастный, мужик несчастный

Был-жил Иван злосчастной, мужик несчастной, денег клась не во што, мешок купить не на што; которо заслужит, дак потеряют, а не заслужит, дак украдут — не заслужит и получить нечево. Пошел он на свое несчастье суда просить. Царь на то сказал: «Как сам нечево не можешь заслужить, дак я как вам могу тут суда дать?» А у царя была доци; на то она сказала: «Батюшко! Как экому мужику не могли суда дать? Я што есь, женско дело, и то бы рассудила». А на то царь сказал: «Как его рассудишь?» А на то царска доци сказала: «Пускай женитца, можот жону счастливу возьмёт, а если жона не счастлива попадёт, будут дети счастливы, будет жить хорошо». Царь рассердился, за мужика дочь отдал, и указы везде розослал, штобы их на фатэру некто ночевать не спускал.

Иван злосчастной с царской дочерью идут по городу, он и говорит: «Не печалься, царевна, худинькой домок хоть — свой уголок». Пришли, стоит избушка, нету оконич, в другом месте простенков нет, а печки по́давну не бывало. Царевна своими платками и нагрудниками призавесила, призатыкала лишно дырьё, и нажигом стали согриватца около огня. В тую ночь царевна вышила ширинку и послала Ивана продавать: «Ты одному лавочнику не продавай, другому не отдавай, а третьему и продай».

Побежал Иван с ширинкой. Один лавочник даёт сто рублей, другой двести, третьей триста. За триста продал. Взял для своей фатеры што ему требуется, побежал. Прибежал на ростани, выскочил Ярышко, лоб залушил, глаза выторашил. «Оддай, мужик, деньги, добром отдашь, дак слово скажу, добром не отдашь, дак лихою возьму, ничего не скажу». Мужик шевелился, копался, деньги отдал. Ярышко слово сказал: *Без судьбы Божьей не один волос с головы не гинет*. Иван прибежал к своей хозяйке, сказал про своё похождение. Хозяйка на то сказала: «Винно, ты несчастной, я несчастлива, обои онаки сошлись».

И другу ночь ночевали — опять ширинку вышила. Послала продавать и сказала: «Ты одному продавай, другому не отдавай, третьему отдай». Побежал Иван с ширинкой; один даёт сто, другой двести, третей триста. Отдал за триста рублей. На ростанях опять Ярышко стрегил, лоб залуши, глаза выторашил. «Отдай, мужик, деньги»... (так же, как и в первый раз). Мужик шевелился, копался, деньги отдал, Ярышко слово

сказал: *Когда вы́шат, дак не нисься*. Прибежал домой, хозяйке рассказал в подробности. Хозяйка на то ответила: «Ты, винно, бесча́сной, а я несчастли́ва».

На третью ночь третью ширинку вышила, да добавила денег петьдисят рублей: «Когда пройдешь рóстани, то для дому кое-чего побольше купи». Побежал Иван с ширинкой... (Повторяется то же, что в первый и второй раз)... Шевелилса, копалса мужик, деньги Ярышке отдал «Ну, петьдисят рублей еще вынима́й». Шевелилса, копашилса и ти отдал. Ярышко слово сказал: *Наднеси, да не опусти*. Иван побежал домой, дорога была по крутому крёжу, да запнулса, да и пал, а в руках тащил коври́гу хлеба, коври́гу выронил, коври́га укатилса под крёж; а собака по подкрёжью бежит,хватила ковригу, утащила. Он про себя обдумал: «С чем же я тепере к царевне евлюсь?» Прибежал на пристань карабельню, корабли побегают за́ морё, нанелса в матросы и убежал за́ морё.

Бежали корабли в море и остановились. Стали хозяева выкликать из матросов охвотника: «Хто сходит в морё, тому половина карабля с животом, со всем, а если нехто из вас не согласитца, то мечите жеребьи — кому итти». А Иван про себя обдумал: «Мне ведь Ярышко сказал: *Без судьбы Божией не один волос с головы не гíнет*. Неужели, если Бог не судит, дак я утону в мори?» Иван доспел с хозяином условье, с условия снял себе копию и скочил в воду. Скочил и затону́л.

Схватил его человек, по воды потащыл. Тащыл, тащыл, притащыл к городу. Воды не стало. Ворота отворили и пошли по́ городу. «Вот у нас царь да царица спорят, один говорит: "Укла́д да булат дороже злата-серебра бывает". А другой говорит: "Злато-серебро дороже укла́ду-булату". И надо так их: по одному россудить и другого не россердить». Привёл Ивана в полаты, завёл в горнични, только зéй зéёт, где чарь и чарича. Садить стали Ивана за один стол с царём, с царицей. А Иван припомнил то слово, Ярышко сказал: *Когда вы́шат, дак не нисьсе*. Не под порог же битця? Сел за стол. Царь-царица стали его спрашивать: «Ну, как вы руськой человек, нам понадобилса ты для справки дела; как у вас: уклад да булат дороже злата-серебра бывает или злато-серебро дороже укладу-булату?» — «У нас так в России: если войны нету, уклад-булат не почём, злато-серебро дороже, а чуть доспелась война, тогда уклад-булат дороже злата-серебра бывает; тогда будут копья, оружья закупать и отдают за него злато-серебро». Царю и царице это обоим ланно стало. Они подарили ему по кáльчику. Иван

обдумал про себя: «Кальчики в нашем месте стоят пять копеек?» Передали Ивана тому человеку, которой его и привёл. Тот человек повёл по городу, привёл к воротам, опять по воды потащил, притащил к кораблю, выбросил.

Как ступил Иван на караб и полон хозяин стал полукараблю. И тут карабли побежали по морю. Прибежали к заморскому царю и стали карабельчики походить, заявлять о себе царю, прописать белеты и поносить стали подарки, хто можот на сто рублей, а хто можот, бывает и на тысецю. Иван понёс царю кáльчик. Подарил Иван кáльчик. Царь принел купцей-гостей, стал угощать, их посадил всех в одну комнату, а Ивана в другую, котора повыше. Гости погостили, веселоваты стали и как-то неудовольствуюцца: «Мы хто на сто рублей принесли, хто на тыщу, а Иван на десять копеек; его посадил царь выше всех». Об этом подносчики донесли царю. Царь взял Иванов кальчик, вынес, где купцы сидели. «Вы этот подарок у Ивана нечем считаете, а вот его подарок»... Потрёс кальчик, выпала пробка, выпали два шара, катаются, серебро отсыпаетца, отгребать не могут. Царь за кальчик подарил Ивану подарок — три карабля совсем с животами и с народом. Иван оттуль побежал домой на трех караблях с половиной.

Прибежал, стал на пристань карабельню, а вечером тёмнилось, пошел розыскивать свою избушку. А в том месте стоит каменной дом. Иван стал колотитця у дверей; вышла женщина: «Вам што нужно?» — «А я приежжой человек, мне надо ночевать». — «Милости просим, у нас дом постоялой, мы от того деньги получаем, хлебы едим от того». Иван зашел в избу. Поставила Ивану закусывать, чего Иван просит, то Ивану и несёт; поужинал, валит его в ту комнату ночевать, сама походит в другу. Иван на то сказал: «Мне бы свечка нужно засветить, я без свечи не сплю». Хозяйка сказала: «Надо, дак хоть пару засвети, мне больше расходу, боле приход». Свечку засветила, сама ушла в другу комнату. Иван с час времени пролежал, пошел в ту комнату, куда хозяйка ушла. Увидал: она спит, а по обеим сторонам у ей молоды мужики, она в серёдках. «Ах, она спит с двумя дружками». Вынул саблю, ладил у всех головы отсеки. И обдумал про себя: «Мне ведь Ярышко слово сказал: *Наднеси, да не опусти*». Стал будить и стал спрашивать у ей: «Это хто таки?» — «Это у меня сыновья, бывало я замуж выходила, муж за морё убежал, эти от него в брюхе остались. Не вы ли будете мой муж?» А Иван ответил: «Я ваш муж». И стали будить сыновей, с отцом здороватца. Робята стали здороватца с отцом, падать в ноги отцу. И стали жить вместе.

А до царя весь дошла, што его зять прибежал на трех караблях с половиной. Царь послал послов его звать к сибе в гости. Пошел Иван со своей женой и с

детьми, взял в подарок другой кальчик. Принял Ивана царь как следует быть. Иван гостил долго-ле, коротко, походить стал, подарил в подарок кальчик. А царю то не понравилось: «Такой богатой прибежал, да копеек на петь мне подарок принёс». Иван пошел домой, царь кинул кальчик в спину Ивану. Выпала пробка, выпали два шара, катаются, злато-серебро отсыпается, отгрести не могут. Закричал царь: «Воротись, Иван! Ты и владей царством, ты богаче меня стал». Иван воротился, поручил ему всё царство.

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.